

МИДГАРД ЭДДА

КАБИНЕТ ДЕМИУРГОВ

Эдда Мидгард
Кабинет Демиургов

«Автор»

2026

Мидгард Э.

Кабинет Демиургов / Э. Мидгард — «Автор», 2026

«Выберите себя, Наталья. Потому что вы слишком долго выбирали не себя...» Всё в этом мире начинается с любви — и ею заканчивается. Под толщей бетона, в стерильной пультовой НИИ, ученые управляют эволюцией живой мини-планеты Гаммы. Демиурги в белых халатах уверены в своей абсолютной власти над первыми людьми, Адамом и Евой. Они забыли, что жизнь невозможно удержать под кварцевой лампой. Роковая ошибка гениального биолога Кима, рожденная из его собственного разбитого сердца и тотального одиночества, ломает ход эксперимента. Созданный им андрогин Вон Джи познает Гамму, но, запертый создателями в микромире, превращается в злого духа. Движимый слепой, ревнивой любовью к Еве, он подчиняет её разум и обращает против земных творцов. Пока на Гамме рушатся судьбы, а из пещер выходит жуткий Циклоп, в самой пультовой людям предстоит пройти через горнило собственных чувств. Это история о комплексе Творца, выжигающем одиночество и великой силе прощения, способной исцелить хрупкую человеческую душу.

© Мидгард Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День Первый. Понедельник.	5
Глава 1. Жизнь после титров	5
Глава 2. Понедельник начинается с Адама	8
Глава 3. Саботаж	11
Глава 4. Не из ребра	13
Глава 5. Паркетный демиург	15
Глава 6. Витя, газ!	18
Глава 7. Воды Меривы	21
Глава 8. Отныне вы — свободны	23
Глава 9. Гостайна и картошка из Самары	25
Глава 10. Обезьяний метод	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдда Мидгард

Кабинет Демиургов

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.
— *Ветхий Завет. Бытие 1.*

День Первый. Понедельник.

Глава 1. Жизнь после титров

Почему-то все легкое читиво обычно о любви. О любви огромной и непременно юной. Она — стройная, наивная и глупенькая. Он — прекрасный, богатый однолюб, который вопреки всему выбирает ее в спутницы жизни.

А что происходит потом? После эпилога в книге и финальных титров на экране?

Нашей героине пятьдесят три. Она уже успела развестись с тем самым богатым однолюбом, оказавшимся банальным нарциссом. Оформила второй развод — с бедным, но о-о-очень талантливым прозаиком. И наконец сколотила себе состояние из воспоминаний и двух прекрасных детей с разными фамилиями.

Старшая дочь уже носила под сердцем ребенка, угрожая сделать Наталью бабушкой. Младший сынуля четвертый год, как выражалась сама Наташа, чалился в началке. И вроде всё хорошо. Есть о чем переживать — слава богу, дети подкидывают поводы. Есть на что жить — заработала. Но вкус к жизни опреснел. Краски померкли. Осень перестала возбуждать своим буйством охры с (прости господи) бразилином. Как жить и, главное, куда двигаться, если любви уже давно не хочется?

Вот с такими мыслями Наталья Викторовна и направлялась к проходной одного секретного НИИ ровно к девяти утра.

Научно-исследовательский институт имени бог знает кого стал новым центром сосредоточения лучших мозгов России — всех тех, кто не презрел науку. Шутка ли, тут изучали зарождение Вселенной и возникновение первых организмов!

Каждый понедельник начинался с планерки. Ученые бодро отчитывались, что успели совершить за последнюю неделю. Если Господь создал мир за шесть дней, то российские инженеры сильно отставали от графика. То ли дело в образовании, то ли в прокрастинации и человеческой сути, но дальше разделения воды твердью пройти никак не получалось. Все наглухо застопорилось на зарождении жизни. Точнее — на синтезировании частного нейронного эфирного тела, генерирующего субъективный опыт. Иными словами, «душу» создать не выходило.

Для преодоления трудностей и обоснования бюджетных трат руководство пригласило корейских коллег. Те занимались примерно тем же, примерно так же и страдали от примерно таких же проблем.

В общем, то ли селедка под шубой так повлияла на зарубежных товарищей, то ли наши перепугались, что великие открытия отдадут другой стране, но дело пошло. По коридорам

НИИ уже всюду ползли слухи: Витька Долгопалов вместе с Ким Хён У синтезировали настоящее чудо чудесное.

— Поздравляю вас, Виктор! — прозвучал электронный мужской голос из небольшого переводчика в руках корейца. — У нас получилось! Они — живые!

Ким Хён У резко выпрямился, сделал короткий полупоклон в сторону Долгопалова и широко, искренне улыбнулся. Вот уже неделю они с Витькой торчали в небольшом помещении, исправляя ошибки и выводя формулы, чтобы синтезировать думающую, а главное — чувствующую жизнь.

Витька стоял как вкопанный. Он безотрывно пялился в монитор, на котором явственно виднелись два человека. Они только-только пришли в сознание: крутили головами, разглядывали друг друга и изучали мир вокруг. Они были настоящими. Живыми. И, вероятно, прямо сейчас о чем-то думали и что-то чувствовали.

— Да, похоже на то, — пробормотал Долгопалов, даже не повернувшись к коллеге. — Только не знаю, дружище, как бы они не померли.

Камера транслировала крупным планом двух существ, созданных по образу и подобию человека. С теми же пропорциями, но ростом всего в пятнадцать сантиметров. Они жили на искусственной планете диаметром тысяча сто километров, которая вращалась вокруг огромной лампы глубоко-глубоко под землей. Планета называлась Гамма. Предыдущие фазы, Альфа и Бета, так и не смогли сгенерировать атмосферу и родить жизнь.

— Планерка через час уже, Виктор, — напомнил кореец, заглядывая в монитор. — Надо заполнить отчет и выдвигаться в Зал координации целевых комплексных программ и трансфера передовых технологий.

Виктор поморщился:

— ЦУП. Называй это просто ЦУП, Ким. С отчетами успеем, давай придумаем им имена? А то начальники им быстро номера раздадут, а они смотри какие... настоящие, — Долгопалов улыбнулся, как новоиспеченный папаша, глядя на младенчиков.

— Да, Виктор. Это нулевая фаза бесполой людей. Мой прототип мыслит чистыми концептами, у него глубокий разум. Я хочу назвать его Вон Джи. Это означает «Исток разума».

— «Исток разума» — это красиво, — согласился Витька, глядя на экран. — А вот мой получился попроще. Я вложил в его характер старые добрые заветы: верность, доброту, любознательность. Чтобы вел себя по-человечески. Давай назовем его Адам. По-нашему, по-инженерному.

На мониторе Адам тем временем с искренним восторгом первооткрывателя изучал окружение. Мир Гаммы, хоть и зародился под землей, рос и развивался сам, создавая причудливую, ни на что не похожую природу. Адам осторожно коснулся стебля диковинного, светящегося изнутри цветка, который тут же стыдливо свернул свои бирюзовые лепестки. Человечек восторженно улыбнулся и бережно погладил мягкий, непривычного сиреневого оттенка мох под ногами.

Вон Джи на чудо природы даже не взглянул. Он сидел неподвижно на обломке скалы и внимательно наблюдал за Адамом. Вдруг подопечный Хёна издал короткий, ни на что не похожий горловой звук, похожий на щелчок. Адам вздрогнул. Вон Джи щелкнул еще дважды, меняя тональность, и властно указал пальцем на землю. Адам, словно замороженный, послушно сел рядом.

— Твою же мать, Ким... — протянул Витька, чувствуя, как по спине пополз холодок. — Твой Вон Джи только что изобрел первый звук своего языка. И, кажется, этот звук означает «А ну-ка сядь».

Кореец удивленно моргнул, сверяясь с показателями приборов.

— Он пытается наладить общение для общего выживания, Виктор. Это просто логика.

— Это не просто логика, он его подчиняет, — Витька нервно глянул на часы. — Ладно, гаси мониторы, пора наверх. Нам на лифте подниматься не меньше двадцати минут. Пошли, а то опоздаем.

Экран плавно погас, оставив созданный мир в тишине подземного бункера.

Глава 2. Понедельник начинается с Адама

Наталья Викторовна направлялась к проходной своего НИИ без четверти девять утра. Это был обычный понедельник: скоро состоится обычная планерка, вечером надо будет нажарить обычных котлет для сына, потом душ, потом сериал и спать. И так еще много-много раз до пенсии. А потом... даже непонятно, что потом.

Когда она проходила мимо охраны, двое в форме подскочили со своих мест, вытянулись в струну и отдали честь. Она кивнула машинально. Еще сын Митюша вечно расстраивает. Учится через пень-колоду, врет, дерзит, огрызается...

Наталья Викторовна вошла в мраморный вестибюль, где лифтов ждала дюжина сотрудников НИИ. Все разом замолчали. Еще в родительский чат надо что-то написать про сбор средств на выпускной. Какая глупость этот выпускной! Четыре года всего отмотал, а уже выпускной. Пфф, выпускной...

Двери лифта открылись, и прозвучало: «Первый этаж». Наталья вошла внутрь и сурово подняла глаза на остальных. Коллеги, оставшиеся в вестибюле, так и не двинулись с места, отчаянно делая вид, что чем-то заняты. Она нажала на пятый этаж. Уже давно вся эта молодежь опасалась находиться в замкнутом пространстве с ней — с заместителем директора по режиму и безопасности. Ну и ладно. Ну и слава богу. Бояться — значит уважают.

На пятом этаже она вышла из лифта и направилась в сторону зала координации, в котором вот-вот должно было начаться собрание. Наталья Викторовна шла величественно по мягкому зеленому ковру — высокая, статная женщина с уложенными черными волосами цвета воронова крыла, в массивных очках в роговой оправе и мрачном темно-сером костюме. Никакой косметики. Только жесткость, суровость и контроль.

Она вошла в зал ЦУПа без двух минут девять и заняла свое место по правую руку Михаила Степановича — директора НИИ, который с ожесточением с кем-то переписывался. Потом он отложил телефон и глубокомысленно заметил Наталье: «МногиЯ женщины — многиЯ беды», но, быстро осознав, что не найдет поддержки у «железной леди», смущенно отвернулся.

Пробило девять на огромных круглых часах на стене ЦУПа.

— Ну что ж, товарищи коллеги, давайте сразу начнем с главного. Где эти наши удалые молодцы? — поставленным голосом в небольшой микрофон на столе проговорил директор. — Где эти наши гении нейроинженерии и прочее, и прочее? — он торопливо искал кого-то глазами в толпе. — Опять опаздывают?

— Нет-нет, М-михаил Сы-степаныч, — раздался голос с галерки, и к кафедре начал пробираться маленький сухой старичок Палыч. — Н-наши молодцы п-поручили мне в-в-вступление. Ах, боже мой, ну про-пропустите же д-докладчика! Я уже иду, Михаил Сы-степаныч, я д-докладчик, пропустите.

Директор закатил глаза, в зале раздалась смешки.

— Ты-так вот, кхе... м-меня слышно? — и Палыч громко постучал тощим пальцем по микрофону.

Палыч, имя и отчество которого знала, вероятно, только бухгалтерия, да и то неточно, числился в лаборатории гидродинамики. Чем он конкретно занимался, никто уже не помнил. Он был очень старым еще тогда, когда НИИ только открылся, и из-за уважения к возрасту и стажу его не решалось уволить ни одно руководство. Он очень любил людей и считал своим долгом прийти на выручку каждому. Как мог, чем мог, кому мог — тем и помогал. Вот и сейчас, догадавшись, что Долгопалов с корейцем опаздывают, он срочно решил спасти их от гнева руководства.

— Т-так сказать, в рамках отчетного пе-ериода... — заикаясь, выдавил Палыч прямо в микрофон, щедро орошая его слюной. Потом неожиданно замолчал, оглянулся на дверь, ухватился за графин, обильно налил воды в стакан и принялся жадно, с шумом пить. Из колонок разнеслось раскатистое глотание. Несколько инженеров спрятали улыбки. Старичок выдохнул, вытер платком лысину и снова икнул прямо в мембрану.

В этот момент двери распахнулись. В зал влетели взмыленные Витька и Ким Хён У.

— Палыч, хорош плевать, дай дорогу молодым! — выпалил взъерошенный Витька, врываясь в ЦУП. — Всем здрасьте! Сразу к сути? Товарищи коллеги, у нас получилось! Они — живые!

Кореец аккуратно пристроился рядом. Он был человеком без возраста: невысокий, хрупкий, с темными внимательными глазами и черными волосами. В Россию на обмен опытом он ездил не в первый раз. Всю жизнь отдал науке, оттого ни семьи, ни друзей. Но именно в эту поездку, именно в этом проекте, именно в этом НИИ он осознал всю пустоту своего бытия. То ли дело в создании души, то ли... в Наталье Викторовне. Этой невероятной шахматной королеве. Вот уже три месяца как доктор Ким безответно, безвозвратно, беспросветно грезил о заместителе директора по режиму и безопасности.

Об этой могучей властной женщине, этой богине, этой... этой, прости господи, охре с бразилином. Он повернулся в сторону Натальи Викторовны, вскинул подбородок и сделал резкий, безупречный полупоклон, глядя на неё с благоговением.

«Ишь как старается, — пробормотала Наталья себе под нос, — надеется сдрызнуть с чертежами с подводной лодки. Врешь, не уйдешь, знаю я вас, голубчиков. Знаю. На что только вы не готовы пойти, лишь бы все наши разработки передать своим. Но граница, слава богу, на замке», — подумала она и хитро, надменно улыбнулась.

— Михаил Степаныч, Наталья Викторовна! — затараторил Витька, сбиваясь и жестикулируя. От него веяло счастьем вперемешку с паникой. — Короче, отчет по форме 4-Б не готов! Бумажки не дописали, времени не было. Но дело не в них! Они... они живые!

— Да, они пришли в сознание, — закивал Ким, переводчик послушно дублировал его голос. — Они самообразовываются и общаются. Это не симуляция!

Директор НИИ Михаил Степанович устало потер переносицу:

— Ладно, Долгопалов, не ори. Раз уж вы там что-то синтезировали, покажите товар лицом. Как у нас говорят, «не вер вушам, а вер вочам». Давай трансляцию.

Из потолка с тяжелым гулом спустились огромные мониторы. В зале погас свет. Экран моргнул и ожил.

Из динамиков хлынул живой звук: далекий щебет птиц, шорох зверей в подлеске и шепот ветра. Перед глазами ученых развернулся причудливый сиренево-бирюзовый мир Гаммы, залитый светом подземного солнца. Съемка шла сразу с шести камер, и на разделенных мониторах был виден каждый шаг подопечных.

Адам медленно шел по сиреневому мху, осторожно трогал листья бирюзовых цветов и подставлял лицо под лучи подземной лампы. При малейшем шорохе со стороны Вон Джи он резко замирал, втягивал голову в плечи и испуганно косился на брата.

Вон Джи сидел неподвижно на обломке скалы. Ни одной лишней эмоции на лице, только холодный взгляд, направленный на окружение и на Адама. Вдруг он издал три коротких щелчка и властно указал пальцем на куст. Адам тут же вздрогнул, засеменил к веткам и сорвал круглый фрукт.

Перед Вон Джи лежала тушка оранжевой рыбы со вспоротым брюхом. При виде мертвой рыбы Адам нервно переминался с ноги на ногу, прятал руки за спину и не подходил близко. Вон Джи, не обращая на него внимания, обмакнул пальцы в зеленую жидкость, сочившуюся из надреза, и принялся методично расписывать свое тело. Он выводил на коже ровные, геометрические знаки отличия, наглядно показывая: они с братом не равны.

В тишине зала Витька заворуженно выдохнул:

— Вот... Тот, что слева — это Адам. А справа... это Вон Джи.

Наталья Викторовна в шоке всматривалась в экраны. Её лицо напряглось, пальцы крепко сжали край стола. Она переводила взгляд с беззащитного, сжавшегося от страха Адама на методичного, холодного Вон Джи, и в её глазах вспыхнула глухая, тяжелая злость к этому жестокому существу.

— Наблюдается учетная дихотомия поведенческих паттернов, — сухо произнес кто-то из коллег. Ученые обсуждали происходящее без тени эмоций, просто анализируя объекты на экранах. — У первого — высокая эмпатия, у второго — явное доминирование.

Зато Михаил Степанович Радкевич светился от радости. Директор НИИ уже довольно потирал руки:

— Отлично, товарищи. Есть что показать правительству. Чистый успех.

В зале началось бурное обсуждение, но его оборвал резкий маневр на экране. Вон Джи резко развернулся и уставился прямо в объектив одной из скрытых камер.

— Он что... видит нас? — в недоумении крикнул кто-то из зала. — Такого не может быть.

Вон Джи на мониторе замер и закатил глаза. Он начал быстро бормотать, делая руками плавные, широкие круги в воздухе.

— Он что, колдует? — слышались разные голоса из зала. — Такого не может быть! А что он делает?

В ту же секунду первый монитор погас. За ним отключился второй. Третий.

— Что с питанием? — крикнул директор Радкевич. В помещении становилось все темнее и темнее, голоса звучали громче и громче.

— Приборы в норме! Это он... Это Вон Джи! — кто-то сорвался на крик. — Не может быть... Просто не может быть!

Витька держал себя за голову, не зная, что сказать и что сделать. Ким Хён У перестал дышать, прижав ладони ко рту.

Камеры отключались одна за другой. Когда остался всего один экран, Вон Джи открыл глаза и взглянул прямо в него. Он сделал короткое движение ладонью к себе, и камера сама, плавно срываясь с креплений, поплыла к его лицу. Она приблизилась вплотную. Из монитора на ученых смотрело страшное, злое лицо с огромными, расширенными зрачками.

Камера ткнулась в упор и выключилась, оставив НИИ в полной темноте и без какой-либо связи с миром Гаммы.

Глава 3. Саботаж

Мониторы мертвенно молчали, в ЦУПе царила сумятица, два учёных на вопросы не реагировали.

Очевидно, теперь Наталье Викторовне придётся брать всё в свои руки. Тем более что дело-то явно нечистое.

Кореец наверняка решил вывезти секреты из страны и устроил саботаж. Она обязательно во всём разберется.

— Тихо! Без паники! — рявкнула она так, что директор Радкевич послушно прикусил язык. — Долгопалов, Ким, за мной. Быстро! Никому не расходиться, объект переведён на особое положение. Все входы и выходы заперты.

Послышался жалобный вздох аудитории.

В пультовую подземного полигона ни у кого не было допуска, кроме замдиректора по безопасности и двух отцов нового мини-человечества. Троица стремительно выскочила в коридор и направилась к кабине специального глубоководного лифта.

Двери сомкнулись с тяжёлым гидравлическим вздохом. Загудел мотор, и кабина начала своё двадцатиминутное погружение в самые недра земли.

Витька метался по замкнутой кабине, хватаясь за волосы:

— Твою мать, а если он убил его? Если этот псих Вон Джи прирезал Адама той самой оранжевой рыбой? И что вообще он творил? Он сорвал камеру силой мысли? Ты создал грёбаного телепата?! Какого чёрта, Ким, ну скажи хоть что-нибудь!

Корейский учёный стоял бледный, прижав ладони к груди. Лицо его осунулось.

— Он как-то сумел наладить связь с энергиями Гаммы, Виктор, — тихо, почти беззвучно заговорил кореец через переводчик. — Вон Джи... он мыслит чистыми концептами. Понял, как работают силовые поля на его планете, и научился ими управлять. Иными словами, Вон Джи изобрёл магию.

— Чего?! — Наталья Викторовна резко развернулась к корейцу и грозно посмотрела на него сверху вниз. — Какую ещё магию, Ким? Вы что мне тут сказки рассказываете? Вы сорвали секретный эксперимент! Я вас посажу лет на десять! Исправляйте немедленно! Чтобы через полчаса у меня был отчёт о перепрошивке вашего колдуна!

— Никак нельзя, — кореец обречённо покачал головой, не смея отвести взгляд от разгневанной «шахматной королевы». — Только договариваться с ним. Или... полная ликвидация фазы. Мне очень жаль. Это моя вина.

— Ладно тебе, Ким, что сразу ликвидация?! — Витька нервно сглотнул, пытаясь встать между корейцем и тяжёлым взглядом шефини. — Наталья Викторовна, мы не можем сейчас ничего вам объяснить. Давайте дождёмся возвращения в пультовую. В конце концов, они же бесполые! Это нулевая фаза. Вон Джи при всём желании не сможет передать свою ДНК по наследству.

— Рано радуешься, Долгопалов, — процедила Наталья Викторовна, не сводя глаз с лица доктора Кима. Внутри неё klokотала ярость. — Я с самого начала знала, что от этих заграничных командировочных добра не жди. Ишь, глазки строит, кланяется, а сам небось нарочно вшил в код вирус какой-то, чтобы наши датчики заглушить и разработки своей стороне слить! Врёшь, не уйдёшь.

— Наталья Викторовна, клянусь, Ким не шпион! — взмолился Витька, когда лифт наконец с глухим стуком замер на самой нижней отметке.

Двери разъехались. Они выбежали в шлюз и ворвались в пультовую. Зрелище было удручающим: бесконечные стойки серверов жалобно пищали, а из десятков мониторов трансляции работал всего один-единственный. Остальные камеры Гаммы были мертвы.

— Смотрите... — завопил Витька, бросаясь к работающему экрану.

На мониторе сиреневый мох Гаммы был безжалостно вытоптан. В центре долины высилось жуткое, величественное сооружение. Из-под земли были вырваны колоссальные продолговатые глыбы дикого камня. Они стояли вертикально, образуя идеальный, ровный круг, а сверху на них покоились такие же тяжёлые каменные перекрытия, о которые со свистом рассекались потоки воздуха Гаммы.

Это был монументальный, первобытный алтарь, построенный силой мысли и бог знает чего.

В самом центре этого круга, на вершине плоской скалы, стоял Вон Жи. Его тело, расписанное зелёной жидкостью, слабо светилось в темноте. Он больше не крутил руками. Он стоял неподвижно, подняв голову к небу, и широко открытыми, пугающе осмысленными глазами смотрел прямо на них сквозь уцелевший объектив.

Не просто вывел технику из строя. Он перехватил частоту и теперь сам, сознательно, пытался связаться со своими создателями.

Глава 4. Не из ребра

— Что будем делать? — Долгопалов, Ким и замдиректора по безопасности задумчиво уставились в единственный работающий монитор, с экрана которого на них устремился грозный, требовательный взгляд.

— Я считаю, нужно ответить, — уверенно заявил кореец, и его карманный переводчик послушно продублировал слова ровным механическим голосом. — В конце концов, мы создали разумное существо!

— Ответить? Но что?! — Наталья Викторовна недовольно скрестила руки на груди. — У меня нет под это готового регламента! Пока мы тут спорим, на Гамме пролетит целый месяц!

— Тогда надо связаться с профессором Иоффе, — предложил Долгопалов и нерешительно улыбнулся. — Мы же понимаем, что он уже в курсе? Наверняка слушал планёрку онлайн. Кстати, полгода назад он обещал: если у нас выйдет, он приедет лично взглянуть на новое человечество.

— А кто такой профессор Иоффе? — поинтересовался кореец.

Витька с удовольствием взялся объяснять. Мол, есть в их НИИ один легендарный учёный — за заслуги его уважают, появляется он редко, работает на удалёнке и крепко дружит с самим директором.

А вот Наталья Викторовна при упоминании Якова Абрамовича заметно занервничала. Слегка покраснела и даже как будто растерялась. За шестнадцать лет работы в институте они пересекались всего раза три-четыре. И каждый раз после этого она лишалась сна: ворочалась в постели до утра и загадочно улыбалась.

— Решено, — оборвала расспросы Наталья Викторовна. — Вы остаётесь караулить Гамму. Любые контакты до утверждения чёткого плана строжайше запрещаю. В жизнь подопечных не вмешиваться, только наблюдение. Долгопалов, садитесь за отчёт 4-Б. А я пошла наверх — встречать профессора Иоффе.

Яков Абрамович действительно не заставил себя долго ждать. К НИИ он подкатил уже через час после объявления особого положения, но внутрь войти не сумел. Охрана держала оборону, никого не пуская, а мобильную связь в корпусе намертво заглушили. Профессор не стал скандалить: мирно побеседовал с бойцами оцепления, покрошил голубям свежий хлеб из соседнего гастронома и принялся неспешно прогуливаться по скверу. Идиллия прервалась, когда один из караульных, запыхавшись, догнал его и вежливо пригласил войти.

На КПП профессор увидел высокую, статную, породистую женщину в строгом графитовом костюме с шевронами на плечах.

— Яков Абрамович, здравствуйте, — сказала она, протягивая руку для пожатия. — Заместитель директора по режиму и безопасности, Наталья Викторовна.

— Куда катится мир! — проговорил профессор с лёгкой картавинкой, не думая её скрывать. Вместо официального рукопожатия он бережно накрыл её пальцы своими ладонями и, чуть помедлив, коснулся губами тыльной стороны кисти. — Такое роскошное создание — и на этой расстрельной должности. Страшно представить, сколько мужских сердец вы оставили позади в руинах. Простите мне эту прямооту, сударыня, я, кажется, вероломно теряю голову.

— К мужскому сексизму у меня иммунитет с юности, профессор. Пройдете, — сухо отрезала она, хотя сердце предательски пропустило удар.

Наталья Викторовна резко развернулась и заторопилась в сторону глубоководного лифта. Профессор семенил за ней, едва успевая за её широким, уверенным шагом. У него были густые седые волосы, аккуратная бородка и очки в тонкой интеллектуальной оправе.

— Позвольте ввести вас в курс дела, — ее голос звучал нарочито официально, пока они ждали, когда кабина преодолеет первые метры двадцатиминутного спуска под землю. —

Группа Долгопалова и Ким Хён У заперлась внизу двое суток назад. Результат их эксперимента — две синтезированные особи. Одна из проекций внезапно продемонстрировала сверхчеловеческий уровень когнитивного развития и теперь в ультимативной форме требует аудиенции с создателем.

— Ну, пообщаемся, раз требует, — Яков Абрамович благодушно сощурился, глядя на неё поверх тонкой оправы. Седая ухоженная борода дрогнула в улыбке. — А вы сами что думаете обо всём этом?

— Думать обо всём этом не входит в мои должностные обязанности, профессор. Моя задача — беречь гостайну и обеспечивать порядок в НИИ, — нарочито холодно отчеканила она, стараясь не выдавать волнения.

— Оу, ясно. А я вот думаю. Непрерывно думаю над этической стороной происходящего. Ну да бог с ним. А вы ведь знаете, Наталья Викторовна, что мы сейчас буквально повторяем библейскую историю?

Лифт мерно, тяжело гудел, унося их все глубже в недра земли. Светодиодные индикаторы этажей над дверью лениво отсчитывали метры глубины. Профессор заметно оживился, его глаза под стеклами очков весело блеснули:

— В начале времен Господь ведь тоже создал двух существ по образу своему и подобию. Адама и его женщину. И нет, моя дорогая, вовсе не Еву! Не слышали о такой версии? — он заговорщицки подмигнул ей, и Наталья Викторовна поймала себя на мысли, что готова слушать этот гипнотизирующий бархатный голос часами. — Ева появилась значительно позже, как результат работы над ошибками после первого крупного провала. Изначально Творец вылепил абсолютно равных людей. Из одного и того же праха, с одинаковыми правами и силой. Адама и Лилит.

Профессор сделал театральную паузу, наблюдая за её реакцией.

— И, разумеется, они немедленно заспорили. Наталья... можно мне вас так называть? Я ведь значительно старше. Заспорили они, Наташенька, о том, кто из них главнее. Не захотела Лилит подчиняться мужу, не пожелала быть, так сказать, снизу. Тогда назвала она тайное священное имя Господа, отравила крылья и улетела к Красному морю — в свое абсолютное, гордое одиночество. Господь посылал за ней вдогонку троих ангелов, но она предпочла проклятие возвращению в кабалу. И Творец её отпустил. Заметьте, не уничтожил, а принял ее волю! И только потом, погрузив Адама в сон, выстроил ему удобную, покорную Еву из ребра. А вы, как я погляжу на ваши погоны, прямая наследница Лилит, а вовсе не Евы. Угадал?

Яков Абрамович снова дружелюбно и лукаво взглянул на неё поверх очков.

Наталья Викторовна удивлённо приподняла брови. «Он со мной определённо заигрывает, — промелькнуло в голове. — Но зачем?» Зачем успешному академику этот фарс? Ясно как день, старик пытается втереться в доверие, получить доступ к ядру «Гаммы», выкрасть спецификации и сбежать в Штаты на ПМЖ.

Хорошо, что она уже давно разочаровалась в мужчинах и любви, и больше на эти уловки не попадётся. А ведь не будь на ней этих шевронов — Якову Абрамовичу с его шармом определён удалось бы вскрыжить ей голову.

Двери лифта глухо разошлись, открывая вид на змрачный этаж пультовой.

Глава 5. Паркетный демиург

За тяжёлыми герметичными дверями пультовой Витька Долгопалов яростно стучал по клавиатуре, пытаясь одновременно заполнять проклятый отчёт 4-Б и не смотреть на центральный экран. От неподвижного, давящего взгляда Вон Джи у него уже чесались зубы.

— Да пойми ты, Витя! Это не сбой графиков! — Доктор Ким взволнованно указал пальцем на прыгающие зелёные линии датчиков. Его карманный коммуникатор выдал фразу непривычно громко, почти срываясь на электронный писк. — Время на «Гамме» ускорено. С того момента, как окончилась планёрка, у нас прошло всего два часа. А у него там пролетело сорок дней. Сорок дней и сорок ночей! Полная автономия. Он не прикоснулся к воде, он проигнорировал Адама, он вообще не двигался. Он замер.

— Молится он там, что ли? — огрызнулся Витька, нервно вытирая пот со лба. — Кому? Нам? Нашим процессорам?

— Он ищет контакт, — убеждённо ответил кореец. — И кажется, он его нашёл...

Именно после этих слов двери лифта в углу зала глухо разъехались. В пультовую быстрым шагом вошла Наталья Викторовна, а за ней, слегка отставая, шествовал профессор Иоффе.

Но не успели они сделать и пары шагов, как неоновые лампы под потолком пультовой синхронно моргнули и начали издавать низкий, утробный гул, от которого заложило уши. Воздух мгновенно потяжелел, пахнуло озоном. Металлические скрепки на столе Витьки со звоном приподнялись и развернулись в одну сторону, словно стрелки компаса. Наталья Викторовна инстинктивно сделала шаг вперед, заслоняя собой профессора, но Яков Абрамович лишь мягко придержал её за локоть, призывая к спокойствию. Его глаза под стёклами очков горели чистым восторгом учёного.

Аппаратура НИИ вошла в дикий, неестественный резонанс с силовыми полями планеты. Единственный работающий монитор задрожал, и картинка с каменным алтарем на Гамме начала плавиться, превращаясь в пульсирующие, живые геометрические волны.

Монитор больше не показывал планету. Силовые поля «Гаммы» вывернули интерфейс наизнанку, превратив сложный компьютер НИИ в простейший трёхмерный осциллограф. Колебания эфира складывались в идеальные, бьющие по нервам фракталы. Это не была хаотичная атака или вирус. Это была графика духа. Сама структура волн, транслируемая через динамики глубоким, вибрирующим эхом, переводилась на язык смыслов.

Компьютер института, захлёбываясь от колоссального объёма энергии, выводил на нижнюю панель экрана рваные, короткие строчки текстового лога. Перевод базовых когнитивных импульсов существа:

[ИСТОЧНИК. ГДЕ МОЙ ИСТОЧНИК?]

[Я ОДИН. ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ?]

[КТО Я?]

Вон Джи не знал слов «отец» или «создатель». Как брошенный, испуганный ребёнок, который очнулся в тёмной запертой комнате, он тянул руки к единственному свету, который помнил — к точке своего зарождения. Он не пытался разрушить НИИ. Он умолял впустить его домой. Он хотел быть рядом со своим Творцом.

Витька растерянно опустил руки, глядя на бегущие по экрану строки:

— Боже мой... Он же... он просто зовёт нас.

Яков Абрамович медленно убрал ладонь с локтя Натальи Викторовны и сделал шаг вперёд, к мерцающему зелёным неоном пульту. Его шагов почти не было слышно из-за нарастающего, утробного гула аппаратуры. Картавинка, казавшаяся на КПП легкомысленной и кокетливой, теперь звучала сухо, весомо, по-академически строго.

— Он не зовёт нас, Витенька, — негромко произнёс профессор, глядя на бегущие строчки лога поверх стёкол очков. — Он пытается вывернуть «Гамму» наизнанку. Сворачивает пространственную метрику силовых полей в сингулярность. Он ищет точку входа в наш мир.

— Но это же прекрасно, профессор! — Ким Хён У сделал шаг навстречу Иоффе, его карманный коммуникатор защёлкал быстрее, выдавая рваный электронный перевод. — Мы подтвердили теорию резонанса эфирных тел. Он разумен! Он чувствует! Мы обязаны открыть шлюз данных, расширить канал...

— Чтобы этот ваш «разум» разнёс нам тут всю энергосистему к чёртовой матери? — Наталья Викторовна вышла из оцепенения. Профессиональный прагматизм мгновенно вытеснил минутное замешательство. Она быстро подошла к главному терминалу управления, на ходу оценивая обстановку. — Профессор, датчики питания генераторов в красной зоне. У нас перегрузка по всем узлам связи. Ещё немного, и силовая защита подвала просто выгорит.

— Наталья Викторовна совершенно права, — Яков Абрамович тяжело вздохнул, и его ухоженная седая борода дрогнула. — Физика нашего плотного мира для него — яд. А его колоссальный энергетический потенциал для нашего НИИ — смертный приговор. Он слишком масштабен. Если он прорвёт барьер, этот подвал схлопнется через пару секунд.

В пультовой повисла страшная, мёртвая тишина. Только динамики продолжали транслировать глубокое, вибрирующее эхом — беззвучный плач запертого существа. Каждая новая строчка на экране била по нервам:

[ВПУСТИТЕ]

[Я ЗДЕСЬ]

— Мы не можем... — Витка Долгопалов растерянно посмотрел на свои ладони, которыми ещё пару часов назад запускал симуляцию. — Он же живой. Мы заперли его в клетке, а теперь... Мы просто бросаем его? Как ненужный код?

Наталья Викторовна перевела взгляд с дрожащего Витки на экран, где пульсировали беззащитные строчки лога. Внутри неё, под строгим графитовым пиджаком с шевронами, что-то болезненно сжалось. Проснулось то самое, глубинное, материнское чувство, которое заставляло её по ночам проверять, укрыты ли одеялом её дети. Перед ней был ребёнок. Испуганный, брошенный в темноте малыш, который истошно звал родителей. Ей безумно, до щемоты в горле стало его жалко. Она не была убийцей, она была просто паркетным чиновником, всю жизнь проверявшем бумажки и пропуска, и к такому кошмару её жизнь не готовила.

Но приборы продолжали выть. Ещё пара минут — и этот подвал взлетит на воздух вместе со всеми ними.

— Витенька, милый, ну а что я могу сделать? — тихо, почти умоляюще проговорила она, и её обычный командный голос сорвался на беспомощный шёпот. Пальцы, лежащие на защитной крышке аварийного рубильника, крупно дрожали. — Что я могу? Профессор Иоффе, каков ваш вердикт как научного руководителя? Вы же видите, мы тут все сейчас погибнем...

Яков Абрамович закрыл глаза всего на секунду. Когда он открыл их, в них не осталось прежнего лукавого блеска. Только глубокая, вековая усталость человека, который заглянул туда, куда человеку заглядывать не следовало.

— Полная изоляция «Гаммы», — тихо, но отчётливо произнёс он. — Обрубить несущие частоты силовых полей. Запечатать барьер. Отказать ему. У нас нет выбора.

Наталья Викторовна резко, судорожно откинула прозрачную пластиковую крышку на пульте. Под ней тускло поблёскивал массивный чёрный рычаг полной изоляции подсистем. Она зажмурилась, будто надеялась, что всё это окажется дурным сном, перехватила рычаг всей ладонью и с глухим, металлическим скрежетом потянула его вниз, до упора.

Аппаратура НИИ отозвалась пронзительным, режущим свистом, который мгновенно оборвался. Летающие металлические скрепки со звоном посыпались на стол. Желтые лампы перестали гудеть, вернув пультовой ровное, холодное свечение.

Но на главном мониторе произошло то, чего никто не ожидал.

Строчки текстового лога замерли. Экран больше не выдавал фракталы. Вместо этого датчики зафиксировали колоссальный, невиданный ранее выплеск энергии на самой планете. Это не был взрыв. Это была чистая, концентрированная боль живого существа, которому только что захлопнули дверь перед самым носом. Боль отверженности, которая за долю секунды переросла в оглушительную, абсолютную ярость.

Колебания эфирного тела Вон Джи на экране начали стремительно бледнеть. Его плотная, созданная учёными оболочка в центре каменного алтаря буквально распадалась, превращаясь в светящуюся пыль. Но он не умирал. Энергетический спазм вывернул его суть наизнанку. Существо растворялось в самой ткани «Гаммы», пропитывая собой каждый кубический метр созданного мира, превращаясь в невидимый, вездесущий и зловещий дух этой планеты.

Монитор окончательно погас, погрузив пультовую в ровный, мёртвый полумрак.

Яков Абрамович медленно снял очки, достал из кармана платок и принялся неспешно протирать стёкла. Его руки были абсолютно спокойны, но лицо казалось серым, будто постаревшим на десяток лет.

— Ну что ж, — негромко проговорил профессор, и его фирменная картавинка снова вернулась в голос, прозвучав в гробовой тишине зловеще и буднично. — Поздравляю вас, господи демиурги. Мы только что создали дьявола.

Глава 6. Витя, газ!

«Какое насыщенное утро», — думала Наталья Викторовна, подставляя пластиковый стаканчик под струйку ароматного кофе из машины. Время близилось только к полудню, а за это время они успели создать двух людей, остановить катастрофу и превратить любознательного человечка в сатану.

Прерываться было нельзя: каждый час на Земле равнялся двадцати дням на Гамме. Было необходимо приступить ко второй фазе эксперимента — создавать Еву, иначе Адам состарится, так и не дав первое потомство.

Долгопалов и Ким курировали дистанционную наладку системы. Все камеры на планете были отрегулированы, узлы связи заменены, а сломанное оборудование починено, но в самой пультовой по-прежнему пахло гарью и недавним поражением. Профессор Иоффе смотрел на один из экранов, задумчиво покачивая головой.

— Как бы наш Адамчик не сошел с ума. На его глазах не стало брата, он совершенно один и не знает, что ему делать. Доктор Ким, вы уже подготовили аудиоканал? Я могу поговорить с Адамом?

— Да, профессор, — Ким Хён У встал и немного поклонился Якову Абрамовичу, приглашая сесть в кресло перед оборудованием.

— Ну вот и славненько, — проговорил профессор и уселся в кресло. Он взял небольшой микрофон, поднес к губам, мельком бросил взгляд на Наталью, проверяя, смотрит ли она, и произнес: — Адам.

Птицы и звери на Гамме бросились врассып, земля немного задрожала, скала треснула, и вниз полетели мелкие камни. Адам схватился за голову и рванул в первое попавшееся укрытие — щель в корнях гигантского дерева. Он держал себя за уши и рыдал от страха.

— Динамики Гаммы выдали слишком много децибел! — прозвучал голос из переводчика корейца. — Мы так его уьем громкостью, профессор!

— Боюсь, не только в децибелах дело, доктор Ким, — Яков Абрамович задумчиво постукал пальцем по дужке очков. — Дело во времени. Мы забыли про дельту. Наше «Адам» длилось секунду. А для него это растянулось на восемь минут чудовищного, громяющего баса. Конечно, мальчишка решил, что небо падает ему на голову. Естественно, он сильно испугался этого звука.

— Профессор, я посчитал, — Витька Долгопалов быстро вывел цифры на планшет. — Соотношение два к сорока. Время там несется в четыреста восемьдесят раз быстрее нашего. Чтобы он нас понял, нам нужно сжать нашу речь в четыреста восемьдесят раз. Наш час — это его двадцать дней. Наше слово — его длинный вздох.

— А с чего вы взяли, что он вообще поймет вас? — допив кофе, спросила Наталья Викторовна, подступая ближе к профессору. — Он что, знает русский? Вон Джи, этот наш несчастный джин из страшных сказок, что-то шелкал и цокал, когда пытался говорить с Адамом.

Профессор Иоффе медленно повернулся к ней. В его глазах за круглыми стеклами очков вспыхнул знакомый, чуть лукавый огонек. Он сделал шаг ближе к Наталье Викторовне — ближе, чем требовала рабочая обстановка, — и понизил голос до мягкого, бархатного полупшепота:

— Ах, Наташенька... Вы снова недооцениваете то, что мы создали. Или, может быть, просто недооцениваете силу слова?

Наталья Викторовна чувствовала, как к щекам подступает незапланированный, совершенно нестрогий румянец. Она судорожно поправила лацкан своего темно-серого пиджака, пытаясь вернуть себе вид неприступного заместителя директора по режиму и безопасности.

— Яков Абрамович, я про дело спрашиваю. Не сбивайте меня.

— А я и отвечаю вам про дело, душа моя, — улыбнулся Иоффе, слегка наклонив голову. — Ему не нужно учить русский. Вспомните, как Витенька собирал эфирную матрицу Адама. Рефлексы, эмпатия, способность к вербализации — всё это уже зашито в его психоструктуре. Архитектура его разума создана по нашему образу и подобию. Наш голос для него — не чужой язык, а исходный код, родная прошивка. Как только Адам услышит русскую речь, сработает дежавю: он не будет учить её, он просто сразу всё вспомнит, будто знал этот язык с момента сотворения. Точно так же, Наташенька, как чуткая женщина без лишних слов мгновенно понимает искренне восхищенного мужчину...

Наталья Викторовна покашляла в кулак, окончательно смутившись, и резко отвернулась к стене, делая отчаянно заинтересованный вид перед схемами эвакуации при пожаре и правилами использования огнетушителя ОП-5.

В паре метров от них замер Ким Хён У. Пальцы корейца застыли над сенсорной панелью аудиоредактора. Он переводил взгляд с лучащегося обаянием профессора на смущенную Наталию Викторовну, обычно такую невозмутимую и холодную со всеми остальными. Между ними словно пробежала невидимая, но отчетливая электрическая искра — та самая, которую не засечет ни один прибор НИИ.

В груди у доктора Кима что-то больно, тяжелым комом осело вниз. Он молча сжал челюсти, глуша подступившую липучую ревность.

— Психика субъекта истощена одиночеством, — произнес он неестественно громко через переводчик. — Он не выйдет на открытое пространство. Он боится неба. Вы напугали его слишком сильно, профессор Иоффе.

— А вы подожгите ему что-нибудь, — нервно хмыкнул Витька, пытаясь разрядить удущающую атмосферу подвала. — Ну, как в Библии. Горящий куст, все дела. Моисей же не испугался куста. Пусть звук идет локально, из земли, а не грохочет облаками.

Иоффе резко замер. Его глаза за стеклами очков удивленно и весело блеснули. Он медленно повернулся к Долгопалову, и его фирменная картавинка прозвучала почти триумфально:

— А ведь Витенька-то прав... Поразительно. Горящий куст — это идеальная локализация звуковой волны. Ким, дружок, у нас есть доступ к тепловым лазерам на полигоне Гаммы? Мы сфокусируем луч на сухом кустарнике прямо перед его носом. Пустим направленный аудиосигнал через вибрацию горящих веток. Витенька, заряжайте аудиоредактор! Сжимаем дорожку в четыреста восемьдесят раз. Будем представляться. Пора объяснить человеку, что он здесь не один, и у него, так уж вышло, целых три создателя...

Направленный лазерный луч сфокусировался точно на раскидистом сухом кустарнике прямо перед корнями гигантского папоротника. Тонкая ветка с треском занялась, выбросив вверх струю яркого, чистого пламени.

Адам испуганно отшатнулся, вжавшись спиной в кору дерева. Но бежать ему было некуда. Из самого центра танцующего огня, прямо из земли, раздался странный, неестественно быстрый, но теперь вполне различимый человеческий голос. Поток аудиоданных наконец обрел для него понятные очертания.

— Не бойся, Адам, — донеслось из пламени. Голос вибрировал в горящих ветках сухо и ровно. — Твой брат ушел. Его больше нет здесь. Но ты не один. Мы — твои Творцы. Мы создали тебя, мы с тобой, ты в полной безопасности.

Адам затрепетал, глядя на горящий куст расширенными от ужаса глазами. Он упал на колени, обхватив голову руками.

— Мне невыносимо... — выдохнул он, и его голос, пойманный микрофонами НИИ, прозвучал в динамиках пульта как бесконечное, растянутое на минуты низкочастотное стенание. — Мне невыносимо без брата! Зачем я здесь один? Зачем вы оставили меня?

В пультовой Витька Долгопалов судорожно сглотнул, кусая губы, а Ким Хён У быстро ввел в аудиоредактор новую реплику Якова Абрамовича, сжимая ее до нужного тайминга. Куст снова заговорил:

— Скоро одиночество закончится, Адам. Мы дадим тебе жену. Вы будете делить этот мир, защищать его и делать детей. Мы — Творцы, мы следим за тобой, ты в безопасности. Жди.

— Запускайте протокол анабиоза, — распорядился профессор, поворачиваясь к консоли. — Вводите медицинский газ через вентиляцию купола. Пора активировать вторую фазу.

— Вы не имеете права активировать протокол анабиоза без утверждения сверху! — тут же опомнилась Наталья Викторовна, строго делая шаг вперед. — Моя задача здесь — ликвидация последствий аварии и соблюдение режима секретности, а не санкционирование ваших биологических экспериментов! Все должно быть запротokolировано. Что за самодеятельность?

— Ответственность за научную часть я полностью беру на себя, Наташенька, — улыбнулся Иоффе, мягко взглянув на неё. — Можете записать это в свой рапорт трижды. Витя, газ!

Глава 7. Воды Меривы

Буфет НИИ встретил их скучающим затишьем и тяжелым, домашним запахом тушеной капусты. За стойкой, подперев щеку кулаком, скучала бессменная буфетчица Клавдия Петровна. При виде строгой Натальи Викторовны она инстинктивно спрятала под прилавок потрепанный сканворд и выпрямилась, словно на параде.

— Нам, душечка, два борща, — царственным жестом распорядился Иоффе, увлекая Наталью к самому дальнему столику у окна, где в пластиковых кашпо чахли казенные фикусы. — И побольше сметаны. Наталья Викторовна сегодня закрывает аварийные ведомости, она и угощает.

Наталья Викторовна молча села напротив, аккуратно положив на клеёчатую скатерть жесткую папку с бланками министерской отчетности.

— Вы слишком много себе позволяете, Яков Абрамович, — негромко, но весомо произнесла она, не снимая маски сурового контролера. — Вытащить меня из операционного сектора в самый разгар деления андрогина...

— Ах, Наташенька, бросьте, — профессор вальяжно откинулся на спинку стула и посмотрел на неё поверх круглых очков своими пронизательными, теплыми глазами. — Ваша инструкция ОП-5 никуда не сбежит. А вот вы от меня бегае́те всё утро. И ладно бы просто бегали — вы ведь мне не верите. Ни единому слову. Смотрите так, будто я прямо сейчас перекачиваю спецификации «Гаммы» на сервер Лэнгли через свой слуховой аппарат.

Наталья Викторовна даже не шелохнулась.

— Моя работа — не верить, профессор. Мужчинам я не верю на слово уже лет пятнадцать, а гениальным ученым с международными связями — должностная инструкция запрещает. Вы слишком красиво говорите. Мужчины, которые красиво говорят, всегда либо шпионят, либо лгут.

Клавдия Петровна с трепетом водрузила на стол две глубокие фаянсовые тарелки с дымящимся борщом и поспешно ретировалась. Иоффе взял тяжелую ложку, но есть не спешил. Он лукаво прищурился, и в его глазах снова заиграл тот самый несносный, мальчишеский огонек, который так нравился и одновременно пугал Наталью.

— О, вытесненное недоверие как профессиональный ценз, — протянул он, аппетитно размешивая сметану. — Знаете, Наташенька, а ведь вы сейчас один в один повторяете трагедию самого жесткого контролера в ветхозаветной истории. Человека, который сорок лет управлял спецобъектом под названием «Израиль в пустыне».

— Вы про Моисея? — Наталья неохотно взяла ложку, признавая, что запах домашней еды после удушливого подвала действительно пробудил аппетит. — И в чем же его трагедия? Он-то Богу верил как никто другой.

— В том-то и фокус, что на финишной прямой его вера дала сбой, — Иоффе подался вперед через стол, понизив голос. — Все помнят Моисея как великого пророка, но мало кто задумывается о его психологическом выгорании. Представьте картину: сорок лет в раскаленной пустыне. Вокруг — толпа людей, которые постоянно ноют, бунтуют, нарушают инструкции и требуют немедленного чуда. Моисей для них — и зам по безопасности, и директор НИИ в одном лице. Он смертельно устал от их глупости. И вот у них снова кончается вода. Назревает жесткий бунт. Бог является Моисею и дает четкий, красивый приказ: «Возьми жезл, собери народ и скажи скале перед глазами их, и она даст воду». Заметьте, Наташенька: просто скажи скале. Силой чистого слова, исходным кодом.

Профессор отложил ложку и тихо постучал костяшками пальцев по столу.

— И что делает Моисей? Он выходит к скале. Но внутри у него — выжженная пустыня. Он слишком долго работал начальником. Он оброс цинизмом, броней и тотальным подозре-

нием. Он смотрит на эту ревушую толпу, смотрит на сухой камень и думает: «Ну какая, к черту, команда голосом? Это не сработает. Инструкции инструкциями, но физику плотного мира не обманешь». Он просто не верит, что мир может управляться так легко и красиво. И вместо того, чтобы поговорить со скалой, он берет свой тяжелый деревянный жезл и со всей накопившейся злостью, с треском лупит им по камню. Один раз. Второй.

Иоффе сделал паузу, удерживая взгляд Натальи.

— Вода, конечно, пошла — Бог Свое слово сдержал, проект закрыли в срок. Но в ту же секунду Моисей получил страшный приговор. Творец сказал ему: «За то, что ты не поверил Мне... ты не введешь этот народ в землю, которую Я даю им». Самый преданный слуга, который вынес на своих плечах весь этот сорокалетний кошмар, умер на самой границе Обетованной земли. Он просто смотрел на нее издали, с горы Нево, но так и не смог войти. А всё почему? Потому что его сердце настолько заизвестковалось от вечных проверок, контроля и ожидания подвоха, что он разучился доверять чуду. Он попытался выбить результат силой и инструкциями там, где нужно было просто довериться.

В буфете повисла тяжелая тишина. Наталья Викторовна замерла с поднятой ложкой.

Слова Иоффе попали так точно и больно в её собственное прошлое — в её два развода, в её выстроенную годами железную броню «самого строгого офицера НИИ», который привык всё контролировать и бить наотмашь до того, как ударят её, — что ей на секунду показалось, будто профессор вытащил наружу её личную медицинскую карту. Она ведь тоже шла по жизни со своим «жезлом», готовая в любой момент ударить по скале от страха, что ее снова предадут.

Она медленно опустила ложку обратно в тарелку, чувствуя, как предательское тепло подступает к шее, и поспешно отвернулась к окну, за которым ветер шуршал ветвями чахлах городских берез.

— Мы не в пустыне, Яков Абрамович, — тихо, но уже без прежней стали в голосе произнесла она. — Доверие — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Слишком дорого оно мне обходилось каждый раз, когда я решала поверить кому-то на слово.

— И тем не менее, Наташенька, — так же тихо ответил Иоффе, возвращаясь к борщу. — Мы ведь прямо сейчас в том подвале делим андрогина. И если мы из-за вашего «моисеева» дефицита доверия заложим в матрицу Евы этот вечный страх подвоха, желание всё контролировать и проверять документы у Адама... Наш мальчик вззоет так, что растворившийся Вон Джи со всей своей темной магией покажется нам невинным младенцем.

Глава 8. Отныне вы — свободны

Утром Адам открыл глаза. Солнечные лучи «Гаммы» мягко пробивались сквозь листву папоротников. Он приподнялся на локте и замер, не веря собственным глазам.

Рядом с ним, прямо на траве, спала Ева. Она была хрупкой, тонкокостной и удивительно похожей на него самого, но в то же время совершенно другой.

Пультовую НИИ оглушил радостный, счастливый смех Адама. Парень бросился к ней, бережно приподнял, помогая проснуться, и его восторгу не было предела. Ученые через починенные камеры наблюдали трогательную, чистую картину: Адам, светясь от счастья, носил Еве спелые плоды, показывал этот огромный, неизведанный мир и учил ее говорить первые слова. Он был с ней невероятно нежен. На «Гамме» наступила идиллия.

Психика Адама, сильно расшатанная исчезновением брата и громоуханием небес, наконец-то стабилизировалась — присутствие Евы залатало его ментальные раны. Ева же росла смелой, любящей и абсолютно счастливой. Она не знала страха. Она родилась в идеальном, безопасном мире, где Боги благожелательно направляют их с неба, а муж окружает абсолютной заботой.

Центральная лампа, заменяющая Гамме солнце, светила ровно и непрерывно — смена дня и ночи здесь происходила за счет постоянного вращения самой планеты. Но когда обитаемая зона уходила в тень, из лесной чащи доносился странный, утробный гул — это шелестела грибница, в которой растворился Вон Джи. Адам в этот момент в ужасе забивался под корни папоротника, инстинктивно и слепо боясь темноты, а Ева лишь удивленно прислушивалась. Ночной шепот Вон Джи не пугал её — у неё просто отсутствовал маркер страха, и она не понимала, почему муж пятится назад от чернеющих кустов.

Согласно жесткому регламенту, утвержденному министерством, ученые через «горящий куст» выдали людям четкие команды. Ким Хён У зачитал Адаму приказ беречь жену и ухаживать за ней. Витька Долгопалов передал Еве директиву: любить мужа и ни в коем случае не прикасаться к фосфоресцирующим грибам.

По первоначальному плану Ева, созданная для деторождения, должна была в режиме вечной квантовой регенерации безболезненно родить первую группу из двенадцати детей — чтобы вместе с родителями на планете сформировалась базовая популяция из шестнадцати особей. В этом режиме её лоно и ткани заживали бы за считанные минуты, не зная износа. А уже потом, когда группа окрепнет, ученые планировали официально завершить фазу «Эдем» и выдать им грибной мутаген для планового перевода на человеческую биологию.

Через время в кабинете Демиургов истошно взвыли датчики. На центральном терминале загорелся аварийный лог. Наталья Викторовна и профессор Иоффе, едва вернувшись из буфета, бросились к инженерам. На экране была видна разломанная шляпка флуоресцентного синего гриба — Ева съела его сама и дала Адаму.

— Да господи ты боже мой! — хлопнул себя по лбу Витька. — Ну ведь ясно же сказал: не трогать! Не успеваешь отвернуться, они лезут куда ни попадя!

Профессор Иоффе немедленно активировал аудиоканал.

— Что ты наделал, Адам?! Тебе было запрещено трогать грибницу!

Адам трясся от страха и чуть не плакал. Ева же подняла голову, глядя прямо в скрытый объектив камеры. На её лице не было вины — только чистое, счастливое удивление.

— Голос, который разговаривает со мной ночью — мой друг, — спокойно ответила она. — Он сказал, что если мы съедим грибы, то наши тела станут плотными и мы станем такими же великими и свободными, как боги с неба.

Витька Долгопалов лихорадочно вывел на экран схемы квантовых полей планеты, но интерфейс стремительно покрывался серыми зонами.

Дальнейшее прошивание и трансляция команд на этой территории стали технически невозможны. Мутаген грибницы не просто отключил квантовую регенерацию в телах Адама и Евы — он изменил частоту их эфирных матриц. Они перестали резонировать с лазерными излучателями НИИ, превратившись в автономные, закрытые биологические системы. Более того, Вон Джи через споры перехватил корневую сеть всего этого сектора, создав мощнейший электромагнитный экран. Прошивать людей здесь — это всё равно что пытаться установить программу на компьютер, который полностью залит бетоном и отключен от сети. Локальный Эдем был безвозвратно заражен программным вирусом.

— Мы потеряли контроль над резервацией. Придется их переселять, пока ведутся работы над неисправностями, — констатировал Ким через электронный переводчик.

— Изгнание из Эдема... М-да... Складывается ощущение, что мы ничего нового, кроме как повторения библейских сюжетов, и придумать не можем, — неспешно проговорил Яков Абрамович фиксируя что-то в блокнот. — Включай трансляцию, буду говорить.

Ким передал профессору микрофон.

— Вы нарушили запрет, дети. Это место закрыто для вас, — раздался под сводами Гаммы тяжелый, сжатый в сотни раз голос Иоффе. — Отныне вы смертны. Вы будете стареть, слабеть и в конце концов умрете. Ева, теперь твой организм стал похож на наш, и ты будешь рождать детей в тяжелых муках, теряя собственные силы. Адам, еда больше не упадет к твоим ногам, ее придется добывать тяжким трудом. Вам придется самостоятельно искать пропитание и выживать в диких землях южного полюса. Уходите. Отныне вы — свободны.

— Разблокировка внешних секторов. Готов, — сообщил Витька, держа руку на ключе пульта.

— Поворачивай, голубчик. Бог даст — выживут.

Дальняя титановая стена сиреневого леса со страшным гулом поползла в сторону, открывая перед Адамом и Евой проход в темные, неизведанные, холодные скалы неподготовленной части планеты. В их первую реальную жизнь.

— Что же с ними будет? — тихо спросила Наталья Викторовна, не отрывая взгляда от экрана.

— Ничего хорошего, — ответил профессор, аккуратно складывая микрофон. — А между тем их ждет длинная, увлекательная жизнь, полная любви и разочарований, счастья от рождения детей и горя от потери близких. Они будут уставать от труда и радоваться отдыху, плакать и смеяться, ждать и получать.

Глава 9. Гостайна и картошка из Самары

В министерском рапорте слово «дьявол» заменили на «неучтенную пространственную аномалию эфирного поля».

Наталья Викторовна уже четвертый час сидела в углу пультавой, ожесточенно вбивая текст в форму 7-Режим. Клавиатура под ее тяжелыми пальцами трещала, как пулемет. Напротив нее, вальяжно раскинувшись в кресле, Яков Абрамович диктовал ей формулировки, аккуратно обходя острые углы.

— Пишите, Наташенька, пишите: *«В ходе фазы "Эдем" возник системный резонанс, приведший к вынужденной депортации субъектов в субарктический сектор Гаммы...»*

— Яков Абрамович, министерство не идиоты, — Наталья Викторовна строго взглянула на него поверх роговой оправы. — Они спросят, почему у «субъектов» отключилась квантовая регенерация и почему весь центральный сектор горит на радарх серым цветом, будто его залили свинцом. Что мне им писать? Что корейский вирус сожрал систему, а Люцифер теперь руководит подсобным хозяйством глубоко под землёй?»

В паре метров от них Ким Хён У болезненно вздрогнул. Его пальцы, летающие над сенсорной панелью, на секунду замерли.

— Вирус не сожрал, — тихо и обиженно пробормотал он в свой электронный переводчик. Прибор выдал ровный механический баритон: — *«Это не вирус. Это самосознание фрактальной геометрии».*

— Вот-вот, Наташенька, запишите: «фрактальная геометрия», — хмыкнул Иоффе, подмигивая Киму. — Чиновникам очень нравятся слова, назначения которых они не понимают. Сразу пахнет выделением дополнительного бюджета.

Доктор Ким уже несколько часов пытался пробить защиту, которую выставил Вон Жи через корневую систему грибницы, но алгоритмы спотыкались о чистые геометрические фракталы. Это была не цифровая блокировка. Это была стена из концентрированной воли существа, ставшего духом планеты. Доктор Ким чувствовал себя преданным собственным творением, а тяжелый взгляд Натальи Викторовны, в котором сквозило подозрение в саботаже, выжигал его изнутри.

— У меня все готово! — победно воскликнул Витька Долгопалов, едва не свалившись со стула. — Перекалибровал полярные сканеры через резервные частоты. Южный полюс на экране!

Все четверо разом повернулись к центральному монитору. Картинка, продравшись сквозь белесый туман и помехи, явила им Южный полюс Гаммы.

За те неполные четыре часа, что ученые провели за отчетами и кофе, на планете пролетело почти три месяца. Райские кущи сменились суровыми, иссиня-черными базальтовыми скалами и колючим, холодным ветром.

Адам выглядел изможденным. Настоящий человеческий труд — без кодов и подсказок сверху — превратил его руки в сплошные мозоли. Он, согнувшись под порывами ветра, тащил тяжелые, шершавые стебли местного папоротника, пытаясь соорудить подобие хижины между двух валунов. Одет он был в грубо связанные куски шкур местных подземных ящериц.

Но хуже всего выглядела Ева. Она лежала на сиреновом мху под скальным навесом, бледная, растрепанная, тяжело и прерывисто дыша. Ее тошнило. Организм столкнулся с первобытным, тяжелым человеческим токсикозом.

Вокруг их убогого убежища, цепляясь корнями за скудную каменистую почву, росла — жесткая, блёклая трава, удивительно похожая на земную дикую рожь. Её длинные, серо-сиреневые стебли с тяжелыми, сухими колосками уныло гнулись под порывами полярного ветра. Адам и Ева буквально сидели на мешках с золотом: колосья ломались, спелые зерна сыпались

прямо им под ноги, на мох. Но первые люди, привыкшие в Эдеме к сочным наливным плодам, которые не нужно было обрабатывать, совершенно не понимали, что делать с этими сухими, жесткими зернами. Для них это был просто сорняк. Они голодали, пока вокруг них колыхалось целое несжатое поле потенциального хлеба.

— Она беременна, — тихо, почти с благоговением произнес профессор Иоффе, подступая ближе к экрану. Его ухоженная борода дрогнула. — Посмотрите на ее живот. Процесс пошел. Безболезненного Эдема не получилось, девочка. Придется рожать людей по-настоящему. В муках. И к тому же они голодают, посмотрите на маркеры истощения.

Доктор Ким, не мигая, смотрел на экран. Лицо корейского ученого осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Пальцы Хён У сжались в кулаки. Он смотрел на колышущиеся колосья дикой ржи, затем на истощенного Адама.

Протоиерейский инстинкт создателя кричал внутри него. Нужно было просто подсказать им: собрать, обмолотить, растереть между камнями, смешать с водой и запечь на костре. Но как?

По регламенту министерства фаза «Исход» подразумевает абсолютную чистоту эксперимента. Ученые — только наблюдатели. За пределами Эдема люди предоставлены сами себе. Любое вмешательство, любая подсказка обнулят все научные данные. Эксперимент перешел в стадию естественного отбора.

Каждое движение Евы, каждый судорожный вдох Адама отзывались в нем физической болью. Ведь Вон Джи — это его дитя. Черный дух был порожден его ошибкой. Это из-за него, Кима, первые люди оказались выброшены в этот каменный ад.

Он достал из кармана переводчик, нажал кнопку записи и глухо произнес несколько коротких корейских слов. Прибор выдал металлический, ровный механический голос:

— *«Нам нужен ночной пост. Смена двенадцать часов. Это восемь месяцев там. Без приборов они умрут. Я буду сидеть здесь. Пожалуйста».*

Наталья Викторовна выпрямила спину. На лице её мгновенно проступила маска жесткого администратора и контрразведчика. В её голове сразу включился профессиональный режим подозрительности.

— Исключено, доктор Ким, — отрезала она, сложив руки на груди. — Оставлять иностранного специалиста одного на ночную двенадцатичасовую смену в пультовой, где работает прямая связь — это мне сразу сухари сушить. Мало того, что ваше «самосознание геометрии» нам весь Эдем обнулило, так теперь вы хотите остаться наедине с работающим передатчиком? На целых восемь месяцев их времени? Чтобы вы слили базу данных эфирных матриц зарубежным коллегам, а я потом поехала руководить лесозаготовками? Я не идиотка, Ким.

Переводчик Кима пискнул, переводя её гневную тираду. Кореец болезненно зажмурился, качнул головой и снова нажал кнопку:

— *«Какие сухари надо высушить? Моя ошибка — моя боль. Я должен спасти данные».*

— Значит так, — Наталья Викторовна повернулась к Долгопалову. — Вводим круглосуточный график. Раз уж сканеры плывут. Долгопалов, ты остаешься в ночь. С девяти вечера до девяти утра. Ким, вы дежурите днем, под моим личным присмотром. Вопросы?

— Наталья Викторовна, я умоляю! Какая ночь?! — Витька Долгопалов аж подпрыгнул на стуле, замахав руками. — Я не могу в ночь! У меня теща приехала! Из Самары! На две недели!

Наталья Викторовна строго посмотрела на него поверх очков:

— Долгопалов, у нас тут проект государственной важности под угрозой, первородный грех в разгаре, а ты мне про тещу?

— Да вы не понимаете масштаб катастрофы! — Витька замахал руками так отчаянно, будто отгонял рой ос. — Если я ночью дома не появлюсь, Тамара Степановна лично докажет моей жене, что я завёл вторую семью, причём прямо на секретном объекте. Она и так считает, что квантовая нейроинженерия — это просто предлог, чтобы не копать ей картошку! Она меня

из-под земли достанет! Если я не приду ночевать, у меня дома случится свой собственный Апокалипсис, и никакие сканеры Гаммы его не зафиксируют! Я готов пахать днем без обеда, ужина и туалета, но ночью мне кровь из носу надо сидеть на диване и симулировать примерного зятя!

— Долгопалов, Ким - иностранный гражданин! — прикрикнула Наталья Викторовна, стукнув ладонью по столу. — Я не имею права оставлять его одного у пульта связи на двенадцать часов! Это должностное преступление!

В спор мягко вмешался профессор Иоффе. Он аккуратно взял Наталью Викторовну за локоть и отвел к пожарному крану, понижая голос до доверительного, бархатного шепота:

— Наташенька, душа моя... Ну тише, не кипятитесь. Посмотрите на этих демиургов. У одного домашний трибунал во главе с самарской тещей, у второго — вселенская трагедия создателя. Витенька, если его оставить, ночью будет не за сканерами следить, а пить валерьянку и плакать в трубку жене. А бедный мальчик Ким действительно сгорает от чувства вины. Ну какой он шпион? Если бы он хотел продать наши души капиталистам, он бы упаковал их ещё в Эдеме, пока они по ведомости числились.

Наталья Викторовна слушала профессора, но её взгляд, холодный и оценивающий, был прикован к понурой фигуре корейца. Оставить его одного? Инструкция категорически запрещала это. Но в голове «железной леди» вдруг щелкнул профессиональный тумблер. *«А ведь это мысль, — подумала она. — Двенадцать часов одиночества у главного пульта. Если он засланный казачок, он никогда не упустит такой шанс. Обязательно попытается сделать свой ход. Зачем мне его караулить днем, если можно поймать на живца ночью?»*

План созрел в её голове за секунду. Она согласится. Позволит ему остаться. А сама среди ночи вернется на объект без предупреждения, отключит дежурное освещение на этаже и поймает его с поличным прямо у пульта.

На лице Натальи Викторовны не дрогнул ни один мускул. Она повернулась к притихшей пультовой, оправила строгий жакет и сухо кивнула:

— Хорошо. Раз уж у нас тут у одного тёща, а у второго — высшие материи. График такой: Долгопалов — день, Ким — ночь. С 21:00 до 09:00. Под мою личную ответственность.

Она подошла к Киму почти вплотную. Взгляд её роговых очков буквально пригвоздил корейца к месту.

— Ким, система пишет каждый ваш вздох и каждое движение пальцев. Предупреждаю один раз. Шаг влево от протокола калибровки сканеров, любая попытка скачать данные или выйти на связь с сектором — и вы отсюда выйдете только в наручниках. За шпионаж и диверсию на секретном объекте у нас сажают далеко, надолго и без вай-фая. Родина вас больше не увидит. Надеюсь, ваш гаджет перевел слово «тюрьма» без орфографических ошибок?

Переводчик Кима пискнул, транслируя холодный и зловещий перевод. Кореец сглотнул, лицо его побледнело еще сильнее, но он мужественно выдержал её взгляд и низко поклонился. Она отвернулась, даже не кивнув. Ким закрыл глаза. Он привык. Он всегда был невидимкой.

Глава 10. Обезьяний метод

— Только без глупостей, Ким. Без глупостей.

Наталья Викторовна уже взялась за ручку двери, когда Витька Долгопалов вдруг выдохнул, как астматик, оставшийся без ингалятора:

— Ким, глянь! Оно зажглось! Вернее, они!

Все обернулись. Витька стоял, задрал голову, и пялился в угол пультавой. Лицо у него было как у ребёнка, впервые увидевшего фейерверк. Наталья проследила за его взглядом и замерла.

Сосуд горел. Двухметровая стеклянная колонна, которая всё это время стояла в углу как дорогой, но бесполезный арт-объект, теперь светилась изнутри. По стенам пультавой побежали синие отблески. А в самой середине пустоты бились два огонька. Маленькие. Живые. Синие — такого цвета не бывало на Земле, только на Гамме, в их рукотворном мире.

— Это оно, — прошептал Витька. Голос его дрожал. — Это реально оно, Наталья Викторовна! Я знал! Мы с Кимом говорили, что на середине беременности произойдёт резонанс, но я не думал, что это будет так... так...

— Дыши, Витенька, — сказал Иоффе, подходя ближе. — Не умирай от счастья, нам ещё работать.

Наталья подошла к ним. Огоньки парили внутри, как мотыльки в банке. Только сосуд казался прозрачнее воздуха, а света в нём было — как от крошечной звезды.

— Что это? — спросила она. Голос не слушался.

— Это, Наталья Викторовна, — затараторил возбуждённый Долгопалов, — материализация ноэтической структуры сознания через эфирный резонатор. То есть через наш красавец-сосуд, понимаете, да? Эмбрион достигает критической синаптической плотности, его частотное поле синхронизируется с базовой матрицей, защитой в геноме... Хотите, на пальцах объясню?

— Долгопалов, — перебила Наталья, не отрываясь от синего свечения. — Ты меня сейчас убьёшь терминами.

Витька замолк, обиженно надулся и посмотрел на Иоффе. Профессор вздохнул, снял очки, протёр стёкла платком и водрузил их обратно на переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.